Текст · 3 августа 2023, 12:44
Изобель Кошив,

«Лучше я лягу на ирисы, чем они на меня». Как Россия воюет с украинскими пожарными, спасателями и саперами

Спасательные службы Херсона работают всю войну. Даже во время оккупации пожарные остались в городе: они отказывались брать у россиян топливо, но благодаря волонтерам имели возможность выезжать на пожары. Теперь они борются с последствиями обстрелов российской артиллерии — и сами становятся их жертвами. Как и саперные команды, которые раньше искали снаряды времен Второй мировой, а теперь очищают Херсон и окрестности от российских боеприпасов. Корреспондентка *Economist* Изобель Кошив побывала в Херсоне и пообщалась с пожарными и саперами. «Медиазона» публикует перевод ее репортажа.

40-летний Андрей Орлов почти закончил работу. Позвонил жене, сказал, что скоро будет дома. 6 мая было для него и коллег, которые занимаются поиском и обезвреживанием мин, обыкновенным рабочим днем: они собирали неразорвавшиеся снаряды в Херсоне и его окрестностях и отвозили их на далекое поле для сортировки. Те, что могли еще пригодиться, отряд Орлова отправлял ВСУ, а остальные взрывал.

Но в тот день жена Андрея услышала его голос в последний раз. Вскоре после звонка он и еще пятеро сослуживцев погибли. Водитель скорой, который сопровождал отряд и припарковался чуть поодаль,

вышел из машины справить нужду. Он услышал, как кто-то кричит: «Дрон!». Затем раздался взрыв.

Карина Филатова, 23-летняя санитарка, тоже работавшая с Орловым, стояла за обгоревшим российским грузовиком — очередным напоминанием об оккупации Херсона, которая закончилась в прошлом ноябре. Она услышала, как один за другим упали три снаряда. «Я бросилась на землю, — рассказывает Карина. — Потом почувствовала взрывную волну. Попали в кабину грузовика, у меня прямо над головой просвистел осколок. Я то теряла сознание, то приходила в себя».

Остальные члены бригады работали в другой части города. Они помчались на помощь вместе с полицейскими, солдатами и работниками прокуратуры. У Карины была сломана нога, но на адреналине она смогла доковылять до коллег. Потом снова начался обстрел. Все укрылись в канаве. «Если первый залп был из трех зарядов, то второй уже из пятнадцати-двадцати», — рассказывает Карина, которая после второго залпа окончательно потеряла сознание и очнулась уже в больнице в Одессе.

Потом украинские военные рассказали Карине, что ее отряд попал под российский артиллерийский обстрел, скорее всего, по наводке разведывательного дрона. Я говорила с десятками спасателей и саперов в Херсоне, и все они уверены, что российские военные прицельно бьют по ним. Оксана Ульянова, которая работает в службе спасения Херсонской области, сказала, что ее коллег обстреливают каждый день. В январе попали в две пожарные части.

Прошло два часа, прежде чем людям разрешили приближаться к тому месту, где работали Андрей Орлов и его сослуживцы. Из-за обстрела сдетонировали мины, которые они собирали. Тела спасателей разнесло на куски.

«Они были нам как братья. Мы же на работе проводили больше времени, чем дома, особенно когда всех эвакуировали и оставались только мы», — рассказывает Сергей Сероштан, начальник отряда разминирования. До войны главной задачей отряда было собирать неразорвавшиеся бомбы времен Второй мировой. «Все еще не верится, что это правда произошло, — говорит Сергей. — Как будто они отъехали куда-то по работе и не вернулись».

Украинские пожарные в Херсоне после разрушения Каховской ГЭС. Фото: Latin America News Agency / Reuters

* * *

Спасательные службы Херсона хранили город все восемь месяцев оккупации и после — под постоянными российскими обстрелами, во время наводнения, которое началось после разрушения Каховской ГЭС в июне. До войны в Херсоне жили 280 тысяч человек. Сейчас осталась лишь малая часть, жители города уехали в другие области страны.

В городе постоянно слышны залпы. Безопасных районов больше нет. Жилые дома регулярно

оказываются под обстрелами: в мае снаряд попал в супермаркет, погибли 23 человека. Здание районной администрации, рядом с которым люди собирались, чтобы приветствовать украинских солдат в ноябре, разрушено ракетным ударом. Окна по всему городу забиты досками. Но самая опасная зона — это берег реки, где не так давно играли дети, а компании жарили шашлыки: теперь он простреливается российскими снайперами.

Жизнь продолжается — в перерывах между обстрелами. Когда я приехала в пожарную часть, перед зданием сидели пожарные. Они спокойно болтали и ели мороженое, пока не пришла пора бежать в укрытие. По их словам, «нормальных» пожаров в Херсоне теперь почти не бывает — из-за того, что в городе осталось так мало жителей. Чаще всего они занимаются спасением людей после российских обстрелов.

Когда Херсон оказался под оккупацией в марте 2022 года, большая часть спасателей продолжили работу. Они говорят, что не хотели бросать свой город на произвол судьбы. При этом россияне заняли здание той пожарной части, где я побывала, и даже проводили в нем важные встречи — рассчитывали на то, что ВСУ не будут его бомбить.

В начале оккупации российские солдаты решили припугнуть украинских пожарных. «Они припарковали свой грузовик к нам задом и откинули борт, — рассказывает старший пожарный Константин Козак. — Там был связанный мужчина в одном белье, рот залеплен скотчем. Мы сначала подумали, это кто-то из коллег. Но потом решили, что это просто

для устрашения». (Это был украинец, но пожарные так и не поняли — гражданский или солдат.)

Российские военные глушили мобильную связь в городе, чтобы жители не могли общаться по телефону. И горожане, которые не могли дозвониться пожарным, иногда просто приезжали в часть, чтобы сообщить, что им нужна помощь. Пожарные отказывались брать топливо у русских и использовали то, что приносили волонтеры.

После шести месяцев российской оккупации украинское правительство сообщило, что больше не будет платить зарплаты работникам спасательных служб. К тому моменту многие пожарные уехали — и вернулись через два месяца, когда украинские войска освободили город. Некоторые решили перейти на сторону русских. «Был один мужик, наш водитель, около тридцати ему. Я видел видео, где он переходит на другой берег[1] с нашим оборудованием, —

рассказывает пожарный Владимир Резянов. — Не понимаю, почему он так поступил».

20 июня обычный вызов закончился трагедией. Пожарная бригада забралась в бронированную машину и отправилась на затопленную дорогу. Они как раз начали откачивать воду, когда прилетел первый снаряд.

«Мы не поняли, куда он упал, но было ясно, что очень близко», — говорит 20-летний Андрей Сидлецкий, который к тому моменту проработал в части всего два месяца. По дороге обратно к машине они встретили еще одну бригаду пожарных и решили все вместе

переждать в одном из пустующих зданий. Начался очередной обстрел.

Кто-то из пожарных рванулся к машине, но Сидлецкий завяз в мутной болотистой воде. Он попросил товарища помочь, и пока тот его вытаскивал, посыпались новые снаряды. Они легли лицом в мутную воду. А потом услышали крики. Оставив ботинки в воде, Сидлецкий вместе с коллегой побежал на голос. «Было так много дыма, что трудно было дышать, но я добежал до парня, которого убило, — рассказывает он. — Я наклонился к нему, осмотрел. Пытался до него достучаться, но он уже не реагировал». Погибшему, Кириллу Сидорчуку, было 25 лет.

«Я не мог с ним остаться, потому что мы были на открытой местности. Мне некуда было бы спрятаться, если б они опять ударили», — говорит Сидлецкий. Он перебежал на другую сторону улицы, когда началась четвертая по счету атака. «Они били ровно по нам, это не совпадение. Прямо по нам», — рассказывает он.

* * *

Глядя на то, как пожарные пьют кофе и едят суп в каптерке, и не подумаешь, что они стали свидетелями по-настоящему ужасных событий. Каждый справляется с пережитым как может. Для некоторых это черный юмор. Один пожарный пошутил о том, сколько раз приземлялся в ближайшую клумбу, чтобы укрыться от осколков: «Лучше я лягу на ирисы, чем они на меня».

Для других это уход за собой. Несмотря на костыли, Карина Филатова, санитарка, которая работала с отрядом разминирования, пришла на интервью с уложенными волосами и аккуратным макияжем. Она сказала, что следила за собой всю войну, и когда воду и электричество отключили, мыла голову в реке, а фен подсоединяла к генератору. Когда во время оккупации в городе закрылись все салоны красоты, Карина раздобыла инструменты, оставленные маникюршей, и красила ногти дома. «Это исцеляет», — говорит она.

Автор: Изобель Кошив

Оригинал: *Ukraine's emergency workers say they are being deliberately targeted*. *The Economist / 1843, July 17, 2023*

Перевод: Вера Нифлер

© 2023, The Economist Newspaper Limited. All rights reserved. Published under license. The original content, in English, can be found on www.economist.com

1. Восточный берег Днепра, который находится под контролем российских войск.